

СОВРЕМЕННАЯ ВНЕШНЯЯ И ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА ИРАНА CONTEMPORARY POLITICS OF IRAN

DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-1-22-31

Научная статья

Инструменты «мягкой силы» Ирана в Кыргызстане

Е.Г. Гарбузарова

Кыргызско-Российский Славянский университет
Ул. Киевская 44, Бишкек, Кыргызстан, 720000

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о применении инструментов «мягкой силы» Ирана в отношении Кыргызстана. Анализ эволюции концептуальных основ внешней политики Ирана в Центральной Азии позволил проследить смену приоритетов во внешнеполитических действиях исламской республики в регионе. Объективная логика подтолкнула руководство Ирана перейти от модели «экспорта исламской революции» к прагматичной модели реализации своих национальных интересов. Иран последовательно инкорпорировал инструменты «мягкой силы» в свою внешнеполитическую деятельность в Центральной Азии. Учитывая санкционное давление со стороны США, руководство Ирана особое значение придает повышению эффективности своей «мягкой силы» с целью расширить горизонты сотрудничества с внешним миром. К концу XX в. руководство Ирана уже заложило основы своей культурной дипломатии в регионе для продвижения влияния на основе экспорта культурных ценностей. Иранский подход к «мягкой силе» в мировой политике основывается на равноправном диалоге между различными цивилизациями, на принципе мирного сосуществования всех стран и народов. Через персидский язык, философию, литературу и поэзию Иран оказывает воздействие на население Центрально-Азиатского региона, преимущественно имеющего сходство с народами тюркоязычного мира. Отмечается динамика культурно-образовательной деятельности Ирана в Кыргызстане, где в распространении «мягкой силы» исламской республики задействованы культурные институты и реализуются образовательные проекты. Несмотря на то, что Кыргызстан больше тяготеет к тюркскому миру, практика показывает, что культурные ценности Ирана также находят поддержку среди населения республики.

Ключевые слова: «мягкая сила», Центральная Азия, Иран, Кыргызстан, культурная дипломатия

© Гарбузарова Е.Г., 2020.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

Введение

В современном мире каждое государство уделяет пристальное внимание использованию инструментов «мягкой силы» в своей внешней политике, пытаясь сформировать о себе положительный образ и расширить горизонты своего несилового влияния. «Мягкая сила» – это совокупность привлекательных факторов, позволяющих государству создать благоприятное впечатление о себе и повысить авторитет на международной арене. «Мягкая сила» является неотъемлемой частью публичной дипломатии, последняя, в свою очередь, стремится сформировать положительный образ того или иного государства не столько в глазах правящей элиты, сколько в сознании широких масс населения. По мнению российского ученого М.А. Неймарка, эффективность «мягкой силы» зависит не столько от целенаправленной политики государства-субъекта, сколько от опосредованного влияния объективных и субъективных условий и результатов развития его общественно-политической системы, экономических достижений и степени их привлекательности для общества стран-объектов данного влияния [1. С. 49]. Следовательно, достижение успеха в использовании «мягкой силы» не столько зависит от форсированного ее продвижения, сколько от того, что представляет собой государство-субъект и какую роль играет в современном мире. Несмотря на объективный характер «мягкой силы», любое современное государство прилагает значительные усилия для формирования своего благоприятного имиджа за рубежом. Эффективное использование инструментов «мягкой силы» обретает особую актуальность в условиях санкционной политики, которую государства Запада проводят в отношении Ирана. В таких условиях внешнеполитические возможности Ирана довольно ограничены. Именно «мягкая сила» обладает необходимым потенциалом, чтобы «расширить привычный коридор внешнеполитических возможностей государств» [2. С. 190].

Результаты исследования

После распада СССР Иран стал присматриваться к Центральной Азии, проявляя стремление к региональному лидерству и проецируя свою систему ценностей на сотрудничество с республиками. Начавшееся постепенное возрождение ислама и рост религиозных настроений в регионе отвечали политико-идеологическим интересам Ирана. Меняющаяся конфигурация религиозных приоритетов центральноазиатских государств позволяла руководству Ирана надеяться на наращивание геополитического, культурного и исламского присутствия в регионе. Предполагалось, что новая духовная основа, сформированная под воздействием идей мусульманского братства, ориентирует народы Центральной Азии в сторону Ирана, который будет рассматриваться как авторитетный центр исламского мира [3]. Однако к началу 1990-х гг. к руководству Ирана пришло осознание, что внешнеполитические цели страны нуждаются в корректировке. В тот исторический момент про-

изошла трансформация принципов во внешней политике Ирана и переход от идеи «экспорта исламской революции» к «прагматизму и отстаиванию национальных интересов иранского государства» [4]. По справедливому замечанию иранского ученого А. Хашема, «налаживая отношения с республиками ЦАР, в Тегеране отдавали себе отчет в том, что политика пропаганды исламского фундаментализма или экспорта исламской революции совершенно неаппетитна» [5]. Руководство Ирана прекрасно понимало, что в случае транзита исламского фундаментализма в светские государства региона существует опасность дестабилизации обстановки. Политические элиты Центральноазиатских государств настороженно относились к Ирану и исключали вариант развития своей государственности по иранской модели. В фокусе их интересов с Тегераном было развитие сотрудничества исключительно в экономической плоскости, а также заинтересованность в открытии через иранскую территорию доступа к морям.

До начала XXI в. в государствах Центральной Азии существовало опасение, что Иран намерен экспортировать в регион «исламскую революцию». В 1990-е гг. подозрение против Ирана относительно его целей распространить шиитский политический ислам в регионе подогревалось информацией о том, что власти Ирана финансировали Партию исламского возрождения Таджикистана (ПИВТ) и косвенно участвовали в свержении режима Рахмона Набиева [6]. При этом Иран всегда отрицал свое участие в гражданской войне в Таджикистане, оценивая ее больше как клановую, а не религиозную по характеру.

С момента образования независимых государств в Центральной Азии Иран продвигает свои культурные ценности в регион в надежде стать одним из центров притяжения. После революции в Иране в 1979 г., когда произошел отказ от западных идеалов, в стране начал складываться тренд на формирование самобытной исламской культуры. К концу XX в. в Иране уже была сформулирована концепция культурной дипломатии, одним из главных элементов которой стала популяризация фарси [7]. Таким образом, в 1990-е гг. были заложены основы культурной дипломатии Ирана, базовые принципы которой стали движущей силой культурно-политической активности Ирана в Центральной Азии. Посредством языка, философии и поэзии, укоренившихся в истории и сознании соседних народов, Иран надеялся стать частью будущей культурно-политической и экономической общности сопредельных стран [8. С. 82–83]. «Мягкая сила» Ирана, отражающая идентичность этой древней цивилизации, подразумевает налаживание тесного сотрудничества с государствами Центральной Азии. В этом случае объединяющим фактором должна выступить культура, способствующая повышению интереса к Ирану.

Образ Ирана в глазах мировой общественности стал постепенно меняться после того, как экс-президент Ирана М. Хатами предложил объявить 2001-й год Годом диалога цивилизаций. Внешнеполитическая концепция М. Хатами, опирающаяся на равенство и культурное разнообразие, отстаивала принцип

мирного сосуществования всех стран и народов, а также предлагала модель исламской цивилизации в качестве альтернативы вестернизации. Иран своего рода озвучил призыв к необходимости перестроить существовавший однополярный мир и предложил новую парадигму международных отношений, архитекторами которой должны были выступить не только политики, но и ученые, философы, художники [9. С. 49]. В соответствии с новыми внешнеполитическими ориентирами Иран стал развивать сотрудничество с государствами Центральной Азии, и уже в 2002 г. президент Ирана М. Хатами совершил турне по всем государствам региона. Например, в Кыргызстане президент Ирана присутствовал на церемонии открытия Центра иранистики и исламоведения при Бишкекском гуманитарном университете [10].

В XXI в., отказавшись от экспорта «исламской революции» в Центрально-Азиатский регион, руководство Ирана сделало ставку на культурное и образовательное направление, которые стали преобладающими в сотрудничестве Ирана и государств Центральной Азии. При этом в культурной дипломатии Ирана в регионе отчетливо прослеживается религиозная составляющая, так как исламский фактор, лежащий в основе выбранной Ираном стратегии расширения своего влияния в регионе, выступал и выступает главным образом в качестве фона для распространения и популяризации памятников иранских культурных традиций [11]. На первых порах, используя инструменты «мягкой силы», Иран сфокусировался на Таджикистане, имеющем культурное и лингвистическое сходство с Ираном. Из всех республик региона именно Таджикистан исторически и духовно ближе к Ирану. В последующем диапазон распространения «мягкой силы» Ирана расширился на другие центральноазиатские республики, с которыми Тегеран налаживал взаимодействие по широкому кругу вопросов от торгово-экономического сотрудничества до совместного участия в интеграционных структурах – Организации экономического сотрудничества (ОЭС), Организации исламского сотрудничества (ОИС), Организации стран – экспортеров нефти (ОПЕК) [12].

На современном этапе ислам все больше становится доминирующей религией в государствах Центральной Азии. Можно предположить, что в перспективе ислам станет ключевым фактором, определяющим национальное развитие центральноазиатских республик. На фоне этого возникает вопрос о роли Ирана в политике центральноазиатских государств и шансах получить исламской шиитской стране стратегическое преимущество в регионе через механизмы «мягкой силы». С одной стороны, позиции Ирана могут укрепиться в регионе благодаря усилению влияния ислама на внутривнутриполитические процессы в республиках, с другой – амбиции Ирана могут вступить в конфронтацию с религиозными интересами других исламских внешних игроков, приверженцев суннитского направления в исламе, таких как Саудовская Аравия, Турция и т.д. В экспертном сообществе считают, что у Ирана мало шансов выйти на более высокий уровень сотрудничества с центральноазиатскими государствами, принадлежащими тюркскому миру. По мнению С.А. Мутова, «ирано-кыргызские отношения никогда не отличались особой

динамикой, а экономическое и культурное присутствие Ирана в республике заметно уступает российскому, китайскому и даже турецкому» [13. С. 14]. Подобного рода высказывания стали доминирующей моделью суждений и прочно вошли в политический дискурс экспертного сообщества. Однако в действительности в последние несколько лет ситуация стала меняться и Иран на базе культурного и образовательного ресурса постепенно становится важным фактором в Кыргызстане. Фундаментом для распространения «мягкой силы» Ирана в Кыргызстане служат различные культурные и образовательные центры, цель которых познакомить население страны с иранскими культурными ценностями: язык, музыка, поэзия и т.д.

Для Кыргызстана Иран является довольно привлекательным государством преимущественно с экономической точки зрения и транспортно-коммуникационных возможностей. Взаимодействие между Кыргызстаном и Ираном началось в 1992 г., когда страны установили дипломатические отношения. В религиозном аспекте между Кыргызстаном и Ираном мало общего. Подавляющее большинство населения Ирана являются шиитами, тогда как в Кыргызстане мусульмане исповедуют ислам суннитского толка. Около 80% мусульман Кыргызстана относятся к последователям ханафитского мазхаба, тогда как шиитов насчитывается около 15 тыс. человек. В Кыргызстане открыта единственная мечеть для шиитов – мечеть Имама Али. Несмотря на эти различия, существует ряд консолидирующих факторов между суннитами и шиитами – общие для всех мусульман святыни Мекка и Медина. Кроме того, шииты в своих религиозных ритуалах используют не персидский язык (фарси), а арабский, что также объединяет их с суннитами [14].

В период президентства М. Ахмадинежада (2005-2013 гг.) Иран, оказавшись под санкциями Запада, стремился прорвать внешнеполитическую блокаду за счет установления контактов с центральноазиатскими государствами [15. С. 54]. Долгое время активность Ирана в Кыргызстане сковывала американская база, дислоцированная в аэропорту Манас. Существовали опасения, подогреваемые информацией в СМИ, что база в Манасе может быть использована для нанесения авиаударов по Ирану. В 2014 г. власти Кыргызстана приняли решение закрыть американскую базу на своей территории. В 2015 г. открылась новая веха в истории кыргызско-иранских отношений, когда экс-президент А. Атамбаев прибыл в Иран с официальным визитом. По итогам встречи президента Кыргызстана с политическим лидером Ирана было подписано несколько документов, среди которых Программа культурного обмена между Министерством культуры и исламской ориентации ИРИ и Министерством культуры, информации и туризма КР на 2017–2020 г. В документе отмечается, что обе стороны будут укреплять сотрудничество в сфере искусства, кинематографии, библиотечных и музейных услуг и прилагать усилия для сохранения объектов историко-культурного наследия [16]. С этого момента Иран стал придавать большое значение своей «мягкой силе» в Кыргызстане, эффективность которой особо заметна в культурной и образовательной сферах. Особой вехой в сотрудничестве Ирана и Кыргызстана

стал официальный визит главы Ирана Х. Роухани в Кыргызстан в 2016 г. Во время своего визита Х. Роухани отметил, что «мы (Руководство Ирана. – *Прим. авт.*) всегда считали кыргызский народ дружественным, с которым у нас единая цивилизация» [17]. В рамках визита были затронуты вопросы торгово-экономического сотрудничества, региональной безопасности и культурной кооперации.

Большая роль в популяризации исламских ценностей Ирана принадлежит Культурному представительству Ирана, открытому при Посольстве ИРИ в КР. Любое культурное мероприятие проходит при участии представителей данной структуры. Так, в 2018 г. Культурное представительство Ирана в Кыргызстане организовало Неделю иранского кино в Бишкеке, посвященную 40-летию Победы Исламской революции в Иране. Культурное представительство Ирана в Кыргызстане открыло свою собственную страничку в Facebook с целью расширить целевую аудиторию через социальные сети.

Ресурсы «мягкой силы» Ирана фокусируются в Кыргызстане в культурно-образовательной сфере. Диапазон использования этих ресурсов условно можно рассмотреть в трех направлениях.

Во-первых, большую роль в популяризации иранской истории, культуры, языка играют созданные при поддержке Ирана центры иранистики и персидского языка в университетах Кыргызстана. На сегодняшний день такие культурно-образовательные центры открыты в Кыргызско-Российском Славянском университете (центр иранистики), в Бишкекском гуманитарном университете (центр исламоведения и иранистики), в Дипломатической академии МИД КР (центр иранистики и персидского языка). Открывая культурно-образовательные центры в ведущих вузах Кыргызстана, Иран берет на себя обязательства обеспечить данные центры необходимой материально-технической базой, включая не только специальное оборудование, но и необходимую литературу по изучению фарси, истории и культуры Ирана, учебные и справочные материалы. Культурное представительство Ирана в Кыргызстане организует перевод фундаментальных трудов по исламу на кыргызский язык [18].

Во-вторых, запущен механизм по обмену студентами между вузами Кыргызстана и Ирана, организовываются курсы повышения квалификации преподавателей, постепенно в учебную программу вузов внедряют персоязычные курсы. Например, при поддержке Культурного представительства Ирана на базе Бишкекского гуманитарного университета проводятся курсы повышения квалификации преподавателей персидского языка. Кроме того, в 2017 г. Иран предоставил студентам вузов Кыргызстана 4 образовательных гранта. В этом же году в столице Ирана был заключен договор о совместных образовательных программах между ассоциациями социальных работников Кыргызстана и Ирана. В начале 2019 г. стартовал проект международного специального курса «Философия на персидском языке» в Международном университете Кыргызстана. Целью курса является обучение студентов персоязычной философии на языке оригинала.

В-третьих, в перспективе Иран планирует открыть культурные центры и в других университетах Кыргызстана. В сентябре 2017 г. посол Ирана в Кыргызстане посетил Кыргызский национальный университет (КНУ). По итогам встречи с ректором КНУ была достигнута договоренность об открытии Иранского культурного центра на базе данного вуза.

Большую роль в продвижении привлекательного образа Ирана в Кыргызстане играет новостной портал, созданный на доменном расширении Кыргызстана [19]. Этот портал освещает важные события, происходящие в Иране в области политики, экономики, культуры и т.д. На сайте можно ознакомиться с представленной информацией на трех языках – кыргызском, русском, фарси. Цель данного портала – информировать общественность Кыргызстана о событиях, происходящих во внешней и внутренней политике Ирана через призму видения этих процессов официальными иранскими властями.

Заключение

Активная культурно-образовательная деятельность представителей Ирана в Кыргызстане отражает возросший интерес этой исламской страны к наращиванию своих возможностей в республике. Несмотря на близость именно к тюркскому, а не персоязычному миру, культурные инициативы Ирана получают поддержку и востребованность в Кыргызстане. В первые два десятилетия после распада СССР усилия Ирана по укреплению своих стратегических позиций в Кыргызстане носили по большей части статичный характер. Однако в последнее время в новых политических реалиях и с учетом новейших тенденций в мировой политике Иран, опираясь на инструменты «мягкой силы», постепенно усиливает свою политико-идеологическую активность в республике. Думается, что в перспективе Иран будет увеличивать культурный потенциал своего воздействия в Кыргызстане с целью формирования своего позитивного образа и распространения своих ценностей.

Библиографический список

- [1] *Неймарк М.А.* «Мягкая сила» в мировой политике. М., 2017. 272 с.
- [2] *Неймарк М.А.* Перед стратегическим выбором: новые императивы мировой политики // Проблемы постсоветского пространства. 2017. № 4 (30). С. 184–201.
- [3] *Месамед В.* Иран: 10 лет в постсоветской Центральной Азии. Режим доступа: https://ca-c.org/journal/2002/journal_rus/cac-01/04.mesru.shtml. Дата обращения: 11.10.2019.
- [4] *Хандогин К.* Эволюция концепции экспорта исламской революции в контексте внешней политики ИРИ 1990-х гг. // Власть. 2011. № 11. С. 167–169.
- [5] *Месамед В.* Политика Ирана в Центральной Азии: иллюзии и реальность // Интернет-газета *Zona.kz*. 19.10.2001. Режим доступа: <https://zonakz.net/2001/10/19>. Дата обращения: 11.10.2019.
- [6] *Peyrouse S.* Iran's Growing Role in Central Asia? Geopolitical, Economic and Political Profit and Loss Account // AlJazeera Centre for Studies. 04.01.2014. Режим доступа: <http://studies.aljazeera.net/en/dossiers/2014/04/2014416940377354.html>. Дата обращения: 11.10.2019.

- [7] *Торин А.* Исламская революция в Иране и современная внешняя политика стран Востока // *Международная жизнь*. 16.02.2017. Режим доступа: https://interaffairs.ru/news/show/16923?show_desktop_mode=true. Дата обращения: 11.10.2019.
- [8] *Кляшторина В.Б.* Иранская концепция диалога культур: научный и политический аспект // *Иран: диалог цивилизаций: материалы конференции*. М.: Муравей, 2003. 112 с.
- [9] *Курьлев К.П., Никулин М.А., Гончарова А.А.* «Мягкая сила» культурной дипломатии Исламской Республики Иран // *Вестник МГОУ. Сер.: История и политические науки*. 2017. № 2. С. 46–55.
- [10] В Бишкек прибывает Хатами. Будут открыты центры: торговли, иранистики и исламоведения // *ЦентрАзия*. 28.04.2002. Режим доступа: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1019941920>. Дата обращения: 11.10.2019.
- [11] *Parkhomchik L.* Modification of Iran's Foreign Policy Orientation in Central Asia // *САВАР*. 25.08.2016. Режим доступа: <https://cabar.asia/en/lidiya-parkhomchik-modification-of-iran-s-foreign-policy-orientation-in-central-asia>. Дата обращения: 11.10.2019.
- [12] *Звягельская И.* В поисках точки опоры: Иран в Центральной Азии // *РСМД*. 12.11.2014. Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/v-roiskakh-tochki-opory-iran-v-tsentralnoy-azii/>. Дата обращения 11.10.2019.
- [13] *Мутов С.А.* Центральная Азия в политике мусульманского мира: автореферат дис. ... канд. полит. наук. М., 2011. 24 с.
- [14] *Кобищанов Ю.* Шииитское содружество народов // *НГ религии*. 07.09.2016. Режим доступа: http://www.ng.ru/ng_religii/2016-09-07/6_shiit.html. Дата обращения: 11.10.2019.
- [15] *Мальшиева Д.* Международно-политическое взаимодействие государств Центральной Азии с Турцией и Ираном // *Россия и новые государства Евразии*. 2017. № 3 (36). С. 46–58.
- [16] Программа обмена по культуре и в сфере искусства между Министерством культуры, информации и туризма Кыргызской Республики и Министерством культуры и исламской ориентации Исламской Республики Иран на 2017-2020 годы. Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35125451#pos=0;20. Дата обращения: 11.10.2019.
- [17] Роухани: с кыргызским народом у нас единая цивилизация // *Sputnik Кыргызстан*. 20.05.2017. Режим доступа: <https://ru.sputnik.kg/politics/20161223/1030934659/atambaev-i-rouhani-vstretilis-v-bishkeke.html>. Дата обращения: 11.10.2019.
- [18] Формирование движения по возвращению в Ислам в Кыргызстане // *Международное агентство новостей Коран (ИКНА)*. Режим доступа: <http://iqnanews.ru>. Дата обращения: 11.10.2019.
- [19] Новостной портал Ирана. Режим доступа: https://iran.kg/index.php?action_skin_change=yes&skin_name=far-far. Дата обращения: 11.10.2019.

История статьи:

Статья поступила в редакцию 01.11.2019.

Статья принята к публикации 02.02.2020.

DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-1-22-31

Research article

Iran's Soft Power Tools in Kyrgyzstan

E.G. Garbuzarova

Kyrgyz-Russian Slavic University
44 Kievskaya Str., Bishkek, Kyrgyzstan, 720000

Abstract. The article examines the use of “soft power” tools used by Iran in relation to Kyrgyzstan. The analysis of the evolving fundamental concepts of Iranian foreign policy in Central

Asia allowed us to trace a shift in the Islamic Republic's international priorities in the region. Objective logic prompted the Iranian leadership to move from "exporting the Islamic revolution" to the pragmatic model of pursuing its national interests. Iran has consecutively incorporated soft power tools into its foreign policy activities in Central Asia. Given the pressure from the sanctions imposed by the United States, Iran attaches particular importance to improving the effectiveness of its soft power in order to expand cooperation horizons with the outside world. By the end of the 20th century, Iran's leadership had already laid the foundations of its cultural diplomacy in the region, which mainly served to promote influence through the export of cultural values. The Iranian approach to soft power in world politics is based on the principles of reciprocity between different civilizations and peaceful coexistence of all countries and peoples. Through the Persian language, philosophy, literature and poetry, Iran influences the population of the Central Asian region, mainly the peoples sharing certain features with the Turkic-speaking world. Iran's cultural and educational activities in Kyrgyzstan have demonstrated noticeable dynamics: the spread of soft power of the Islamic Republic of Iran in Kyrgyzstan is carried out through cultural institutions and educational projects. Despite the fact that Kyrgyzstan is culturally more inclined towards the Turkic world, the experience shows that Iran's cultural values also find support among the population of the republic.

Key words: "soft power", Central Asia, Iran, Kyrgyzstan, cultural diplomacy

References

- [1] Neymark M. A. *"Soft Power" in World Politics*. Moscow; 2017. 272 p. (In Russ.).
- [2] Neymark M.A. Before Strategic Choice: New Imperatives of World Politics. *Problems of Post-Soviet Space*. 2017; 4 (30): 184–201 (In Russ.).
- [3] Mesamed V. *Iran: 10 Years in Post-Soviet Central Asia*. Available from: https://cac.org/journal/2002/journal_rus/cac-01/04.mesru.shtml. Accessed: 11.10.2019 (In Russ.).
- [4] Khandogin K. Evolution of the Islamic Revolution Export Concept in the Context of Iran's Foreign Policy in the 1990s. *Vlast'*. 2011; 11: 167–169 (In Russ.).
- [5] Mesamed V. Iran's Policy in Central Asia: Illusions and Reality. *Zona.kz*. 19.10.2001. Available from: <https://zonakz.net/2001/10/19>. Accessed: 11.10.2019 (In Russ.).
- [6] Peyrouse S. Iran's Growing Role in Central Asia? Geopolitical, Economic and Political Income Statement. *AlJazeera Centre for Studies*. 04.01.2014. Available from: <http://studies.aljazeera.net/en/dossiers/2014/04/2014416940377354.html>. Accessed: 11.10.2019.
- [7] Torin A. The Islamic revolution in Iran and Contemporary Foreign Politics of the East. *International Affairs*. 16.02.2017. Available from: https://interaffairs.ru/news/show/16923?show_desktop_mode=true. Accessed: 11.10.2019 (In Russ.).
- [8] Klyashtorina V.B. Iranian Concept of Dialogue of Cultures: Scientific and Political Aspect. *Iran: Dialogue of Civilizations*. Conference proceedings. Moscow: Ant; 2003. 112 p. (In Russ.).
- [9] Kurylev K.P., Nikulin M.A., Goncharova A.A. "Soft power" of Cultural Diplomacy of the Islamic Republic of Iran. *Vestnik MGOU. Series: History and Political Science*. 2017; 2; 46–55 (In Russ.).
- [10] Khatami Arrives in Bishkek. Centers of Trade, Iranian Studies and Islamic Studies Will be Opened. *CentrAsia*. 28.04.2002. Available from: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1019941920>. Accessed: 11.10.2019 (In Russ.).
- [11] Parkhomchik L. Modification of Iran's Foreign Policy Orientation in Central Asia. *CABAR*. 25.08.2016. Available from: <https://cabar.asia/en/lidiya-parkhomchik-modification-of-iran-s-foreign-policy-orientation-in-central-asia>. Accessed: 11.10.2019.
- [12] Zvyagelskaya I. In Search of a Fulcrum: Iran in Central Asia. *RIAC*. 12.11.2014. Available from: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/v-poiskakh-tochki-opory-iran-v-tsentralnoy-azii/>. Accessed: 11.10.2019 (In Russ.).
- [13] Mutov S.A. *Central Asia in the Politics of the Muslim World*. The author's abstract of a PhD thesis in political sciences. Moscow; 2011. 24 p. (In Russ.).

- [14] Kobischanov Yu. Shia Community of Peoples. *NG religions*. 07.09.2016. Available from: http://www.ng.ru/ng_religii/2016-09-07/6_shiit.html. Accessed: 11.10.2019 (In Russ.).
- [15] Malysheva D. International-political Interaction of Central Asian States with Turkey and Iran. *Russia and the New States of Eurasia*. 2017; 3 (36): 46–58 (In Russ.).
- [16] *Culture and arts exchange program between the Ministry of culture, information and tourism of the Kyrgyz Republic and the Ministry of culture and Islamic orientation of the Islamic Republic of Iran for 2017-2020*. Available from: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=35125451#pos=0;20. Accessed: 11.10.2019 (In Russ.).
- [17] Rouhani: We Have a Common Civilization with the Kyrgyz People. *Sputnik Kyrgyzstan*. 20.05.2017. Available from: <https://ru.sputnik.kg/politics/20161223/1030934659/atambaev-i-rouhani-vstretilis-v-bishkeke.html>. Accessed: 11.10.2019 (In Russ.).
- [18] Formation of a movement to return to Islam in Kyrgyzstan. *International Quran News Agency (IQNA)*. Available from: <http://iqnanews.ru>. Accessed: 11.10.2019 (In Russ.).
- [19] *Iran News portal*. Available from: https://iran.kg/index.php?action_skin_change=yes&skin_name=far-far. Accessed: 11.10.2019 (In Russ.).

Article history:

The article was submitted on 01.11.2019.

The article was accepted on 02.02.2020.

Информация об авторе:

Гарбузарова Елена Геннадьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии Кыргызско-Российского Славянского университета (Кыргызстан) (ORCID ID: 0000-0003-3481-4363) (e-mail: play_elenag@mail.ru).

Information about the author:

Elena G. Garbuzarova – PhD in History, Associate Professor of Political Science Department, Kyrgyz-Russian Slavic University (Kyrgyzstan) (ORCID ID: 0000-0003-3481-4363) (e-mail: play_elenag@mail.ru).

Для цитирования:

Гарбузарова Е.Г. Инструменты «мягкой силы» Ирана в Кыргызстане // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 1. С. 22–31. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-1-22-31

For citation:

Garbuzarova E.G. Iran's Soft Power Tools in Kyrgyzstan. *RUDN Journal of Political Science*. 2020; 22 (1): 22–31. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-1-22-31